Печальные истории ушедшей эпохи. Не то выбрал. Не тем родился. Не туда пошел

Автор:
Герман Шелков

Печальные истории ушедшей эпохи. Не то выбрал. Не тем родился. Не туда пошел

Герман Шелков

Впервые представленные читателю драматические и остросюжетные истории эпохи Советского Союза, происходившие в 1970-х годах.

Герман Шелков

Печальные истории ушедшей эпохи. Не то выбрал. Не тем родился. Не туда пошел

Эпизоды курения и употребления спиртного в тексте являются неотъемлемой частью описываемой в книге эпохи.

Все совпадения случайны.

Не то выбрал

1979

Герман Пряхин жил в деревне. Не в деревне, а в поселке, похожем на деревню. Было ему восемнадцать лет. Пришло время выбирать профессию.

Многие советовали стать водителем грузовика: грузовик едет, за окном мелькают люди, пейзажи, всегда тепло, в руке папироса. Хорошо! Неплохо также водить трактор на колесах или небольшой автобус.

А Герману нравилось расспрашивать приезжих.

Однажды в поселок приехал летчик. Герман спросил его: «Трудно ли стать, как вы?» Оказалось, что Герман хочет управлять самолетом, менять города, аэродромы. Это, пожалуй, лучше всего. Когда выяснилось, что летчиком стать трудно, Герман захотел стать артистом, исследователем, историком, экспертом, научным консультантом, переводчиком. Все эти люди в разное время бывали в поселке, и он разговаривал с ними.

Но как-то раз в поселке появился вовсе удивительный человек. Послушав его, Герман принял окончательное решение.

До сих пор никакая мысль или идея не захватывала его полностью, а тут ему захотелось сделаться ну просто отражением незнакомца.

Кто же это был?

Незнакомец носил золотой крест на цепочке и золотой перстень, всегда выглаженные брюки, ботинки на высоких каблуках, красивый ремень. Как он умел сплевывать и отбрасывать окурок – этого Герман не мог забыть и ночью. А какая у него была манера говорить, какие комбинации слов он знал – представление, и только!

И какие изображения были на спине и животе у этого незнакомца!

Святые апостолы, ангелы и херувимы жили на его теле, то есть так искусно они были вытатуированы. А зачем – неизвестно.

Незнакомец любил улыбаться и знал пропасть историй. Но не как у всех, а особенных. И у него имелись деньги, много крупных денежных билетов.

Как-то раз он пришел на реку, разделся и стал глядеть на воду. Герман, расположившийся неподалеку, забыл о книге, которую собрался почитать. Он смотрел на незнакомца, как не смотрел ни на летчика, ни на других, а затем решился и подошел ближе.

Незнакомец вдруг улыбнулся и произнес: «А ну, кореш, слетай за пивом».

Он протянул Герману пять рублей, Герман взял их и быстро побежал выполнять поручение. Ему хотелось сделать приятное удивительному человеку.

Как он пил пиво из бутылки, этот незнакомец, – никто так не пил. И какая у него была жестикуляция! Единственная во всем поселке. И такой походки Герман никогда не видел. А когда незнакомец принялся говорить, Герман едва не лишился чувств от восторга и восхищения.

– Много разного я видел на свете, – сказал незнакомец. – Видел и отчаянных, вот как ты. Один такой взял железнодорожную кассу, громыхнул ее, как улей. Но ты еще не знаешь, какой ты отчаянный, поэтому и молчишь. Когда-то я тоже не знал о себе. Но вовремя все раскрылось.

Он не стал продолжать, а полез в воду – купаться. После этого он лежал на солнце и курил ароматную сигарету, а святые апостолы стерегли его удачу. Так он объяснил их назначение.

Видя, что Герман раскрыл рот и приготовился ловить каждое его слово, незнакомец принялся рассказывать.

Сначала он сказал, что самое удивительное на свете – это жизнь. А самая любопытная сторона жизни – удачливые люди.

В подтверждение этому он готов рассказать хоть тридцать случаев. Например, биографию некоего Ф.

Как-то раз этот Ф. приехал в одно замечательное место, а там уже собирались сесть за стол, чтобы провести время за картами. Можно было подумать, что Ф. именно для того и приехал – подержать в руках колоду. В каком-то смысле это было именно так. Но в действительности Ф. явился сюда не только для игры, а для испытания своей удачи. Его очень интересовал этот вопрос.

Совсем недавно он покинул отца и мать, уехал из родного города и отправился навстречу испытаниям. А зачем же он это сделал?

Он, видите ли, почувствовал, что удачлив. Что удача к нему не равнодушна, а благосклонна. Поэтому он купил билет в плацкартный вагон и отправился в путешествие.

В поездке ему пришлось много думать, наблюдать, рассуждать о жизни, соотносить в уме различные события и явления. Наконец он сделал для себя важное открытие: счастлив тот, кто абсолютно свободен. То есть принадлежит сам себе и никому другому. Только в этом случае жизнь приобретает очаровательную тонкость. Но что означает свобода без денег? Ничего! Космическая пустота. Черный, холодный вакуум…

С этими мыслями Ф. взял чужой чемодан и вышел на ближайшей станции.

Он ждал погони, криков и прочей нервной суеты, но вышло так, что ничего подобного не случилось. Ничто не нарушило тишины и спокойствия.

Ф. это очень понравилось. И он понял, как нужно действовать. Во-первых, нужно избавиться от терзаний совести. Затем приобрести уверенность в себе. Нужно повторять: «Я фигура, персона, и у меня совершенная способность к тому, чтобы жить в свое удовольствие!» И тогда станет везти.

И так и случилось: пришло везение.

…Однажды Ф. прибыл в столицу, имея с собой сразу два чужих чемодана. Один был новый, из превосходной аргентинской кожи, в котором лежали два костюма, рубашки, электрическая бритва, хорошие, но обыденные и скучные для азартной натуры вещи. А в другом, потертом и старомодном, между плащом и полотенцем, Ф. нашел пять тысяч рублей. Он этого не ждал и подлинно изумился. Ах, фортуна!

Ради такого случая и стоило рисковать.

В этот же день Ф. поселился в прекрасной гостинице, в одном из высотных домов столицы, пообедал в тамошнем ресторане, а вечером отправился в закрытое карточное заведение.

Поставив немного, он выиграл. Тут же выиграл еще. За столом были и другие игроки, которым везло, они забирали деньги легко и дерзко. Они обладали в игре исключительным умением. И все же Ф. везло больше. В этот вечер удача послала ему свою особенную улыбку…

Сидя за карточным столом, Ф. думал о своей фортуне. Изменит ли она ему? Нет, наоборот. Он чувствует, что ему повезет. Он выиграет триста рублей. Возможно, они придут к нему быстрее, чем он рассчитывает, и тогда он будет думать о пятистах рублях или больше…

Но случилось иначе.

За столом, кроме прочих ловцов удачи, сидел пожилой человек. Влиятельная, уважаемая личность в кругах игроков. Он предпочитал делать только крупные ставки, по пятьсот рублей и даже по тысяче. Однако сегодня его преследовала неудача.

Принявшись играть, он проиграл все, что принес с собой, и сначала впал в легкую нервозность, а потом вдруг объявил: «Не имею при себе даже мелкой монеты и все равно поставлю». Сказал – и поставил молодую женщину, которая пришла с ним, красивую, смуглую жительницу юга. Заявил ее в три тысячи рублей.

Она не могла возмутиться, так как это было небезопасно. А влиятельный человек не мог взять свои слова обратно. Сказанным словом эти люди дорожат больше жизни.

Что же было дальше?

Ф. ее выиграл. Взял за руку и увел с собой, и никто не сказал ему ни слова. С тех пор так и живет со смуглой красавицей. Вот какой этот Ф. Обручился с удачей!

…Когда незнакомец замолчал, Герман побледнел от волнения. «Еще! Еще!» – вырвалось у него. Тут же он смутился и попросил прощения.

Незнакомец засмеялся.

– В этих новеллах суть жизни, – сказал он. – Поэтому они тебе по сердцу.

После этого он рассказал о другом удачливом человеке по имени Жмыка.

Этого Жмыку судьба однажды загнала на крышу городского дома на столичном проспекте. Он бежал от преследователей. Под ним громыхало железо. У него был саквояж – это в одной руке, в другой был нож. А те, кто его преследовали, размахивали пистолетами и кричали.

«Стой, Жмыка! Сдавайся!» – вопили они. Кое-кто из них выстрелил в воздух.

Но Жмыка любил опасность, считал это неотъемлемой частью своей жизни. Поэтому он смеялся и выкрикивал в ответ: «Какие у вас странные фантазии!»

Бежать ему, по сути, было некуда. Любой бы оценил состояние его дел, как негодное.

Но фортуна! Она улыбалась этому отчаянному типу. Он подбежал к краю крыши, посмотрел вниз и увидел неожиданное спасение в виде воздушного шара. Два пионера привязали к веревке резиновый шар размером с колесо самосвала, надутый теплым воздухом из горелки, и понемногу отпускали канат. Шар поднимался вверх и почти достиг крыши. Тогда Жмыка прыгнул и ухватился за веревку. Храбреца мгновенно потащило вниз, но все же не так стремительно, чтобы разбиться насмерть. Он лишь отбил пятки. Шар смягчил ему приземление! Те, кто преследовали Жмыку, впали в уныние. Они дергались и тряслись от негодования. Жмыка бросился через двор на проспект и исчез в толпе горожан. В саквояже у него лежали весьма ценные вещи, принадлежавшие известному профессору-математику. Когда преследователи спустились с крыши, никто уже не мог сказать, где Жмыка…

За этой историей последовала другая, за ней еще две.

Но Герман согласился бы выслушать и тысячу. Водители грузовиков и прочие люди никогда не рассказывали ничего похожего.

Герман никогда не испытывал такого сильного любопытства. Ему хотелось самому заглянуть в мир, где люди ставят на удачу и не бояться этого. Обыкновенные люди смотрят на них со страхом и уважением, и это хороню. Плохо – это быть незамеченным…

Когда сидение на одном месте наскучило незнакомцу, он отправился прогуляться. Герман пошел за ним. Человек с золотым крестом не был против этого. Когда он шел по улице, все с удивлением его разглядывали. Иные чесали затылки. Иные забывали, куда шли. Подойдя к магазину, незнакомец так лихо отбросил окурок, что несколько местных жителей, собравшихся у крыльца, понизили голоса до шепота.

Герману все это чрезвычайно понравилось.

«Вот бы и мне стать таким!» – были его мысли.

Незнакомец купил коньяку, и удовольствие поселилось на его лице.

Он счастливо улыбался, как бы доказывая, что жизнь, вопреки общему мнению, легка и прекрасна.

Через минуту за ним приехали его друзья на новой автомашине «Волга». Красивая девушка выглянула из окна и изящно помахала ему.

– А можно и мне поехать? – спросил Герман.

– Куда, на луну?

– Нет, куда вы. Я мог бы что-нибудь делать для вас. Мог бы стать помощником… Я не испугаюсь!

– Зато твоя мамуся умрет от разрыва сердца.

– Но я уже не маленький! Я очень хочу быть с вами. Пожалуйста, прошу вас!

– Ну что же… Приедешь в город, зайди в кинотеатр «Ракета». Спроси в кассе тетю Клаву. Скажи ей, что привез мне привет от сестры. Она скажет, где я.

– А как вас зовут? – спросил Герман, смутившись, что не спросил этого раньше.

Незнакомец засмеялся.

– Это надо знать, гаврик.

– Простите, я так заслушался ваших историй, что растерялся.

Незнакомец указал на местных жителей:

– Им хорошо известно, кто я. Они-то тебе и расскажут.

После этого он уехал со своими приятелями.

«К Антонине Ивановне младший брат заглядывал, – сказал кто-то. – Миша Суров по прозвищу Глен. Фигура! Три раза был в тюрьме. Уважаемая личность в уголовном мире».

Весь вечер Герман повторял про себя: «Глен! Глен!», волнуясь, как человек, обретший сильную, искреннюю мечту. Ему хотелось немедленно поехать в город, в кинотеатр «Ракета».

Он видел себя частью таинственного мира, в котором Глен и прочие похожие на него люди, проживают чрезвычайно интересную жизнь.

Выбор был сделан.

– Куда ты едешь? Зачем? – спросила мать своего сына Германа, увидев его приготовления. – Где ты будешь учиться или работать?

Герман подумал, что Глен и другие замечательные люди из таинственного мира совсем не склонны полагать, будто каждая мать обязательно должна знать правду. Поэтому он солгал. Назвал техникум кооперативной торговли. Вот что он

сказал: «О торговле сейчас многие говорят плохо, ругают ее. Но это, мамочка, несостоятельные, предвзятые мнения. Торговля – это хорошо. В любом деле можно стать специалистом. И я возьму и стану. Выучусь и буду хорошо зарабатывать!»

Матери Германа очень понравилось такое отношение ее сына к труду и учебе, и она отправилась к соседке и продала ей золотое кольцо, чтобы Герман имел при себе не пять рублей, а куда больше.

Герман взял деньги, сел в автобус и поехал в город.

Добравшись, сразу же направился в кинотеатр «Ракета» и даже не купил мороженого и сладких пончиков.

В кассе, к его удовольствию, продавала билеты именно тетя Клава. Добиться желаемого оказалось делом одной минуты. Она лишь раз внимательно взглянула на Германа, куда-то позвонила по телефону, который был под рукой, и Герману осталось только ждать.

Через полчаса его окликнули: «А что ты там стоишь, олень? Иди сюда».

Герман повернулся. Голос ему не понравился, как и самая манера обращения – плохая манера, не подобающая достоинству какого угодно человека. Однако он послушался и приблизился.

Перед ним стоял крепкий парень в летней кепке, надвинутой на лоб. Хорошо одетый.

У него были огромные кулаки и могучая шея, а плечи, как шары.

– Глен про тебя спрашивал, – произнес парень. – Сказал: «Ожидается прибытие одной отчаянной личности». Ну так это ты?

– Я, – смущенно сказал Герман.

– Тогда пойдем.

Они вышли на улицу, сели в автомобиль «Жигули», на заднее сиденье. На месте водителя сидел другой крепкий парень в очках от солнца.

– Сколько тебе лет? – спросил незнакомец в очках.

– Восемнадцать.

– Скоро в армию?

– Осенью.

– Служить необязательно, если считаешь себя человеком. В армии служат не люди, а солдаты. Определись насчет этого, и будем разговаривать.

– Я человек, – ответил Герман.

Незнакомцы остались довольны и стали говорить, что человеку свойственно стремление к удовольствиям, а государство обычно не признает этого. Оно хочет нагрузить всякую личность обязанностями. Вместо подлинных страстей мертвая скука. А жизнь предназначена не для тусклых, однообразных будней, а для радости. Иначе она ни к чему. Молодость – это золото, но что означает это понятие без свободы? Мелкое, несущественное обстоятельство. А что такое свобода? Это когда человек принадлежит самому себе. И об этом нужно думать сейчас, а не потом. Потом будет поздно. Потом единственной формой выражения своих страстей будет рев и другие психопатические приступы. Жить нужно играючи. Не иметь ничего, что отягощало бы душу, выбросить пустые мечты. И обручиться с удачей!

– Я уже давно так думаю, – сказал Герман.

Незнакомцы улыбались, по-особому жестикулировали, и от них распространялось обаяние большой физической силы.

«Не просто люди, а фигуры, фигуры!» – думал Герман.

Ему захотелось уже сегодня стать таким же.

Парня, который окликнул его в кинотеатре, звали Витя Каракум. Другого звали Павел, по прозвищу Нунс. Он завел мотор, и они все вместе куда-то поехали.

Оказалось, на железнодорожный вокзал.

Здесь Витя Каракум сказал Герману:

– Пойди и достань себе деньги на приятную жизнь. Сможешь – будем иметь с тобой дело.

Герман почувствовал разочарование, так как это предложение не отвечало его натуре. Ему казалось, что он может рассчитывать на что-нибудь другое.

– Я не знаю, как это сделать, – ответил Герман. – Я думал, вы мне скажете.

– Ты обыкновенный тундровый олень, – сказал Витя Каракум. – Иди домой, посмотри «В гостях у сказки», полезную для оленеводства передачу.

– Ну, не стоит плести такие интриги, – сказал Нунс. – Дай ему зеркало. Покажи, как берут деньги из воздуха.

Витя Каракум вынул дамское карманное зеркало и положил на свою широкую ладонь.

Постепенно, не торопясь, словно пуская мыльные пузыри через трубочку и наблюдая за их движением, Каракум рассказал Герману, как с помощью зеркала можно добыть средства. Нужно прикрепить этот предмет на сложенную вдоль газету или на страницу книги, встать у автоматических камер хранения с видом ожидающего человека, занятого чтением, а в нужный момент повернуться спиной к обывателю, собирающемуся поместить в камеру хранения свой багаж. Газету или книгу следует немного выставить влево или вправо, чтобы подглядеть в зеркало, какие цифры обыватель употребил для составления шифра. Их нужно хорошо запомнить. Самое важное – правильно рассчитать угол обзора. Когда обыватель уйдет, остается только вынуть из камеры его багаж и выйти на привокзальную площадь.

– Мы хотим знать, улыбается ли тебе фортуна, – сказал Нунс.

– Ну, покажешь себя? – спросил Витя Каракум. – Дадим тебе инструмент – зеркало, книгу и клей, чтобы прикрепить зеркало к книге. Чего проще изобразить студента, готовящегося к новому учебному году? Положи в автоматическую камеру свой пиджак и останься рядом, будто ждешь кого-то. Ищи рассеянных, задумчивых и тех, кто торопится. Они твои счастливые падающие звезды. Ступай, а мы будем ждать тебя здесь.

С замирающим сердцем Герман отправился добывать деньги.

Возле камер хранения ему стало не по себе. Но все же, после нескольких минут сомнений, когда он убедился, что на него никто не смотрит, ему стало легче.

Он вспомнил Глена и почувствовал, как с образом этого человека к нему приходит вдохновение. После нескольких ободряющих мыслей он распрямил плечи и даже ощутил азарт.

Наконец за его спиной появился обыватель с коричневым чемоданом. И хотя он не был рассеянным и никуда не торопился, Герман принялся смотреть в книгу, медленно отодвигая ее от себя вправо, пока обыватель не показался в зеркале. Вдруг удача послала Герману дружескую улыбку. Он подглядел все цифры шифра и быстро запомнил их. Сладкий сироп счастья наполнил все его тело. Ему захотелось побежать на привокзальную площадь, выскочить на середину и заплясать.

Удача так обрадовала Германа, что ему захотелось пошалить.

Дождавшись, когда обыватель захлопнет дверцу автоматической камеры, Герман повернулся к нему и учтиво спросил: «Вы Серафим Захарович Балалайкин, профессор биологии? Меня поручили вас встретить!»

Глядя вслед обывателю, Герман затрясся от смеха.

Прежде чем вынуть коричневый чемодан, он отправился в буфет выпить лимонаду «Буратино» с пирожным за двадцать две копейки.

Нунс изобразил изумление.

– Серьезный поворот событий, – сказал он.

– На моих часах прошло всего тридцать минут. Неожиданно. Ловко.

Витя Каракум покачал головой и сказал:

– Итак, наблюдается превращение оленя в человека. И этот человек кое-что принес… Две рубашки, костюм, две кепки, журнал «За рулем», книгу «По тонкому льду», одеколон, электрическую бритву, плащ, кожаные перчатки – все почти новое. Кроме того, в кармане пиджака нашлись две облигации по двадцать пять рублей. Твоя доля, отчаянный, составляет двадцать рублей.

– Двадцать рублей за тридцать минут, – сказал Нунс. – Положим, завтра понадобится час, послезавтра два, а на следующий день ничего не будет, и все же это прибыльное дело. Работай хоть каждый день. Будем платить тебе половину от всего, что продадим.

Этот деловой разговор происходил на окраине города.

Герман позволил себе напомнить о том, что хотел бы большего. То есть он не хотел бы работать на вокзале, а иметь дело с Гленом, быть рядом с ним.

Витя Каракум и Нунс переглянулись и стали улыбаться.

– Решительно только с Гленом? – спросил Нунс.

– Да, – сказал Герман.

– Это сложно, бывший олень, – сказал Витя Каракум. – Но поскольку ты отчаянная личность, может быть, у тебя и выйдет. Мы дадим тебе рекомендацию. Без нее нельзя. Но чем ты с нами расплатишься?

– Возьмите мою долю от продажи чемодана!

Нунс объявил, что его итальянские очки стоят дороже, снял их и положил в карман рубашки. И Герман испугался. Он поглядел в холодные и равнодушные глаза этого сильного и решительного человека и пожалел об этом.

Такие глаза никому не могли понравиться.

– Ну хорошо, – сказал вдруг Нунс. – Сделаем тебе одолжение. Возьмем твою долю.

– А еще не станем откладывать и поедем к Глену, – сказал Витя Каракум.

Глен жил на последнем этаже старого трехэтажного многоквартирного дома. Прихожая была оклеена красными обоями с золотыми полосками. В кресле сидел огромный незнакомец и дымил сигаретой.

Он был в белой рубашке и в просторных брюках с подтяжками. Его толстые волосатые пальцы шевелились на коленях.

«Кто это может быть?» – подумал Герман.

– О чем ты думаешь? – спросил человек в кресле. – Ты вообще умеешь думать? Вон у тебя голова какая большая. Поразмысли: один шаг – и прежней твоей жизни уже не будет. Начнется совсем другая жизнь. Еще можешь вернуться назад, к своей мамусе, или в любимую песочницу. А если шагнешь сюда, прежняя жизнь исчезнет. Верно тебе говорю.

Это философское рассуждение удивило Германа, и он подумал: «Сколько тут загадочного!»

– Это отчаянная личность, – сказал Нунс.

– Тогда иди смело, – сказал незнакомец. – Ступай вон в ту комнату. А ты, Нунс, останься.

Глен находился в гостиной, курил, сидя на диване, и смотрел на окно.

Герман не решился приветствовать его по-дружески и побоялся входить, а остался стоять в проеме, надеясь, что хозяин квартиры обратит на него внимание.

Глен, однако, не спешил замечать гостя.

Герман сделал шаг вперед и сказал: «Добрый день! Позвольте сказать, что когда вы уехали, я занялся негласным опросом и выяснил, что вас очень уважают. И молодые, и старые».

Тут же он добавил: «Никто не высказывался о вас плохо. Напротив, многие изображали восхищение. Вот, говорили, личность, персона!»

– Это мне известно, – ответил Глен. – А что ты ищешь здесь, у меня?

– Хочу у вас работать.

– Работать? Я не заводская проходная и не вывожу в люди, паренек. Помнишь такую песню? Иди на завод, там твое место.

– Я не хочу на завод. Я хочу с вами… Могу выполнять ваши поручения. Особенно, если понадобится много говорить. Я хорошо запоминаю.

– И тебя будут слушать?

– Глядя на меня, люди будут представлять, что это вы имеете с ними дело. Поверьте, я справлюсь. Найду такие слова, которые вас прославят.

– Да? Что ж, можно попробовать… Скажи Нунсу, пусть отведет тебя к Кларе-буфетчице.

Нунс, оказалось, все слышал. Он улыбался. Ему было приятно, что все так вышло.

Он повез Германа в центральную часть города, а Герману от радости хотелось высунуться из окна и запеть.

Клара-буфетчица гадала на картах, раскладывая их на столе веером. Над ее головой висела ажурная люстра. Женщина была в парике и в тонкой вязаной кофте. Герман догадался, какая у нее обязанность перед Гленом: в квартире две комнаты, и в одной из них Клара устраивает людей, как в гостинице. Но почему

она буфетчица – неизвестно.

Правый глаз у нее был стеклянный, а на запястье татуировка – птица на ветке.

Герману было интересно разглядывать странную женщину.

Она несколько минут разговаривала с Гленом по телефону: «Да, синьор, все сделаю. Как, ты говоришь, его зовут? Хорошо, Глен. Конечно, еще бы. Если нужно, только скажи. Я могу послать его в магазин? Великолепно, отец родной. Чудесно».

Нунс что-то шепнул Кларе на ухо и ушел.

Герман увидел действие этого шепота: Клара погладила его по голове и сказала: «Хороший паренек. Хочешь, я сварю тебе кофе?»

Кларе было лет тридцать. Она любила носить красивые вещи и украшения. Когда Герман пил кофе с молоком и ел шербет, Клара сидела рядом, сложив руки на столе, и глядела на него.

– Ты напоминаешь мне покойного братца. Мой славный младший братик имел такой же колер прически и румянец щек. Когда его не стало, у меня появилась привычка искать в незнакомых людях его приметы.

– Отчего же он умер? – спросил Герман.

– Переборщил со статьями. Их было слишком много на одну почти еще детскую душу. По совокупности присудили высшую меру. Но он не плакал, даже не побледнел. Показал законничкам свой характер.

На Германа эти слова произвели огромное впечатление.

Он представил себе ровесника, презревшего отчаянье. В прощальной речи к сестре парень твердо произносит слова, которые впору произносить только в самый удачный момент жизни.

После этого Герману захотелось взять откуда-нибудь достаточно умения, храбрости и твердости, чтобы и о нем говорили с большим уважением.

Он сказал себе, что нужно во всем подражать Глену. Перенять его походку, жесты, манеру говорить, держать сигарету.

Глен умеет с шиком даже просто подниматься по лестнице. Нет ни одного стесненного движения.

Герман прошелся по комнате походкой своего кумира и остался доволен.

Клара принесла откуда-то прекрасные вещи – джинсы и такую же куртку, положила перед Германом, потом принесла хлопковую рубашку и мягкие замшевые туфли. Герман принял вещи с восторгом. Услыхав, что это Глен приказал сменить одежду, подпрыгнул от радости. Ему захотелось закурить, и он попросил у Клары сигарету.

Клара подала ему коробку английских сигарет и сказала: «Теперь ты почти человек».

Ночью Герман долго не мог заснуть, мысли его совершенно обезумили – кружились в вихре, и каждая была счастливая.

Утром, когда он вышел во двор, ноги его подкашивались от счастья. Усевшись на лавке, он воскликнул: «Вот как надо жить!»

Вспомнив, что Клара послала его за шербетом, он поднялся и с шиком удалился. Когда он вернулся, на лавке сидел Глен, а трое людей, готовые оказать ему любую услугу, наблюдали за ним из машины.

Герман подумал, что и он, если понадобится, сделает что угодно.

– Есть разговор, – сказал Глен. – Отправишься в город Воронеж. Там найдешь человека по имени Коля Хвалов, скажешь ему: «Глен желает получить в три дня». Речь, конечно, о деньгах. Коля Хвалов должен мне три тысячи. Возьмешь их и привезешь сюда. А если он откажет, не расстраивайся, это уже не твоя забота.

– Все сделаю, – сказал Герман.

В два часа пополудни он вошел в вагон поезда, следующего в Воронеж.

В пути он занял себя размышлениями о жизни. Все решает правильный выбор, и он, Герман Пряхин, не оказался слабым в этом вопросе. Кого-то привлекает сельское хозяйство, а кого-то индустрия. Кто-то ленится, а кто-то окружен чрезмерной строгостью. Водители грузовиков трясутся по дорогам, ждут выходных дней и праздников. Солдаты дерутся в казармах и скучают в окопах. Нет ни чудес, ни прикрас, ни таинственности. А в том мире, которому принадлежит Глен, интересного больше, чем в какой-либо книге. Этому миру принадлежит теперь и Герман Пряхин.

Отыскав в Воронеже Колю Хвалова, Герман удивился. Он думал, что такое имя носит легкомысленный и неприметный человек, а Коля Хвалов оказался высоким, упитанным и уверенным в себе биллиардистом. Он глядел на игровой стол, как полководец над карту военных действий. Шары были его дивизиями. Стеснение и смиренность, видно, даже в детстве не имели к нему отношения. Другие биллиардисты его боялись.

– А ты чего пялишься? – спросил он. – Чего надо? Может быть, хочешь скатать партию?

– Я прибыл от Глена, и он желает получить в три дня, – сказал Герман.

Коля Хвалов опешил. Положил кий и потрогал подбородок.

– Ах вон оно что, – сказал он наконец. – Надо подумать. Что ж, пойдем, пообедаем. Выпьем водочки и поглядим, что можно сделать.

Герману понравилась эта сложная и вместе с тем простая система отношений между людьми. Страх вызывает уважение. Глен, несомненно, внушал страх Коле Хвалову, иначе он не отошел бы так быстро от биллиардного стола.

Они перешли улицу и очутились в кафе.

– Принеси как всегда, – сказал Коля Хвалов официантке. – Нет, подожди. Принеси коньяку – пять звездочек. И подай обед получше. Ко мне приехал дорогой гость.

Герман был в восторге.

Он выпил рюмку коньяку.

– Не согласится ли Глен подождать? – спросил Коля Хвалов. – Все будет, как он хочет, но только позже.

– Нет, – сказал Герман.

– Нет?

– Времена нынче другие. Доверие теперь в большой цене. Если кто-то хочет, чтобы Глен ему доверял, нужно доказать это делом. Лучше всего – сделать так, как он сказал. Простая, детская истина.

Коля Хвалов покачал головой.

– А ты умеешь говорить! Все верно изложил. Все правильно. Значит, прочь сомненья! Деньги достану сегодня. А ты расскажешь Глену, что я не стал ждать трех дней, пусть он это оценит. Выручишь по-приятельски?

– С удовольствием.

– О! Да ты человек! Мне такие люди очень нравятся.

Коля Хвалов оставил Германа в кафе и вскоре привез деньги. Они лежали в детской обувной коробке, ровно три тысячи, билетами по десять рублей. Герман старательно пересчитал каждую пачку.

– Надежней везти их как есть, в коробке, – сказал Коля Хвалов.

Герман так и сделал. Войдя в купе, он сразу положил коробку под подушку.

Каждую минуту он вспоминал о самых приятных моментах выполненного поручения. Оно казалось легким из-за его умения обращаться с людьми.

Ему хотелось танцевать от восторга.

Перед прибытием поезда он заперся в уборной и заглянул к коробку. Все деньги были на месте.

Когда за окном показался перрон, в купе вошел Витя Каракум.

– Мне поручили следить за тобой, – сказал он. – Что сказать? Ты справился хорошо. Не допустил ни одной ошибки. Глен будет доволен. Думаю, это наведет его на важное открытие: у нашего Геры – это он так тебя сейчас называет, – талант спрашивать долги с населения. Впрочем, один случай еще не закономерность. А теперь погляди в окно: нас встречает дружище Нунс!

Нунс стоял на перроне и улыбался.

Герман появился в квартире Клары-буфетчицы с гордо поднятой головой.

Глен сидел к кресле.

– Удивление! – произнес он, не вставая с места. – Коля Хвалов не стал дожидаться, а взял и заплатил сразу. Какие же слова ты ему сказал, малыш?

– Лучше шутить со смертью, чем с Гленом, – ответил Герман. – Меньше маеты и терзаний.

– Какая фигура речи! А теперь отдай деньги Кларе.

Герман открыл коробку и достал оттуда три пачки аккуратно нарезанной газетной бумаги.

– А где деньги? – прошептал он.

От изумления он издал горлом птичий свист.

Кто-то, стоящий за спиной, сильно ударил его ладонью по затылку и сшиб с ног. Очутившись на полу, Герман увидел, что это Нунс.

– Куда девал три тысячи? – заорал Нунс. – А главное, у кого взял, сука!

Он наклонился и ударил Германа кулаком в скулу. У Германа внутри лопнула щека, кровь полилась в горло и хлынула изо рта.

– А-а! – закричал Герман. – Я не брал денег! Они были в коробке!

Из комнаты вышел Витя Каракум и сделал то же, что и Нунс. Он оказался левшой, но его удар был не слабее.

У Германа в глазах засверкал звездопад.

Он выгнулся, как щука на берегу, сначала в одну, потому в другую сторону.

– Говори, где деньги, – злобно проговорил Витя Каракум.

Клара, неподвижно стоявшая у стены, всплеснула руками.

– Вот гад! А казался таким приличным, – сказала она. – Нужно позвать Сиву. Он вытряхнет из него, где деньги.

Витя Каракум выглянул в окно и позвал Сиву: «Эй, Сива! Твой номер!»

Герман плакал на полу от боли и неслыханного ужаса.

Он несколько раз обращался к Глену – умоляющим взглядом, но Глен был далек от его надежд.

Один раз Герман протянул к нему руки, как ребенок к матери. Это рассмешило всех, а Нунс даже прикрыл ладонью глаза – так ему было весело.

В появившемся Сиве Герман узнал философски настроенного огромного человека из прихожей. Он и теперь был в белой рубашке и с подтяжками.

Сива схватил Германа за горло и поставил на ноги. Герман стал задыхаться.

– Покажи ему, Сивушка, какая он дрянь, – проговорила Клара.

У Германа непослушно задергались ноги, как у веревочной куклы.

– Я не одобряю этих чудачеств, Сива, – насмешливо произнес Глен. – Оставь душить мальчонку.

Герман упал на колени и зарыдал. Он чувствовал, как в нем трясется каждый сантиметр тела. Он еще не видел столько собственных слез.

– Что же ты наделал, Гера! – сказал Глен. – Ах, что же ты наделал! Все разрушил, все разбил.

– Я не брал денег, – истерично прошептал Герман.

– Никто не говорит, что ты их брал. Ты их проворонил. Нужно было быть внимательным, а ты про это забыл. Теперь достань три тысячи в три дня. Отдай то, что не твое. Умри, а отдай.

– Ты не возьмешь с него штрафа? – спросил Нунс. – Триста рублей!

– Надо бы, но не возьму, – сказал Глен. – Вот и все. Вопрос перестал быть вопросом. Гера принесет деньги, а если не принесет, навсегда останется молодым. Подробности меня не интересуют.

Вдруг все ушли, осталась только Клара. Герман еще долго стоял на коленях и плакал.

Клара бросила ему мокрое полотенце.

– Не ной и не терзайся, – сказала она. – Дальше будет еще хуже. Они не позволят тебе жить. Это конец. Я знаю. Я дам тебе элениуму. Сварю тебе суп с курятиной. А ты послушай: три тысячи тебе не достать, поскольку ты не Дед Мороз. Три тысячи – это крест на твоей могиле. Убивают и за меньшее!

– Я не брал денег, это Витя Каракум взял. Он входил в купе!

– Если скажешь это еще раз, не доживешь до рассвета. Витя Каракум потребует доказательств, а если у тебя их нет, рассчитается за оскорбление. Это обернется могилой! Витя живет по закону, а закон утверждает, что за наговор расплачиваются жизнью. Так какие же у тебя доказательства?

Герман молчал. Ему хотелось вскочить, броситься прочь, на улицу, отправиться на вокзал и вернуться домой, к матери.

– Я очень хочу домой, отпустите меня, – попросил он.

– А кто отсидит за чемодан? – спросила Клара. – Три года! Разве это Витя Каракум вытащил из камеры хранения чужую вещь?

Герман снова заплакал.

– В тюрьме тебя раздавят сапогом, как гада, – произнесла Клара. – А ты гад и есть. Проворонил деньги и хочешь свалить вину на другого. Но если уж ты в моем доме, дам тебе полезный совет. Никто тебе не поможет, а только ты сам. Выручит усердие и спокойствие. Пойди к Глену и спроси его, благодетеля, нет ли работы на три тысячи. Такая работа, возможно, и найдется. Если хочешь, я скажу это Глену прямо сейчас, по телефону. Или, если хочешь, отправляйся на тот свет. Или в тюрьму.

– Да, – сказал Герман, – спросите, пожалуйста, нет ли работы.

Поговорив по телефону, Клара сделалась добрее.

– У Глена есть работа на три тысячи. Выполнишь ее и лети белым голубем.

Ее слова стали Герману утешением.

Дрожь его унялась только к ночи. Клара дала ему таблеток, и он уснул не снимая одежды.

Утром Клара подала ему чаю и сказала: «Начни жизнь с чистого листа. Сейчас это вернее всего, уж поверь мне».

Она говорила, как мудрая женщина, умеющая примирить человека с чем угодно.

Появившийся Витя Каракум с презрением поглядел на Германа, не проронив ни слова.

– Поезжай с ним к Глену и будь послушным мальчиком, – сказала Клара. – Это тебя выручит. Сделай все, что скажут. Или верни деньги.

Герману было неприятно ехать в автомобиле с человеком, причинившим ему боль и унижение. Но теперь он боялся его кулаков. Он молча глядел на дорогу и думал о тяжелом разочаровании.

Сива, встретивший его в прихожей, усмехнулся и повел в гостиную.

Глен в задумчивости сидел на кушетке и курил сигарету.

– Работы на три тысячи не бывает, – сказал он. – Но для тебя найдется. Добудь для меня одну вещицу. Пистолетик. Когда принесешь его сюда, три тысячи забудутся, будто их не было. Мое слово. Делай тогда, что захочешь.

– А где можно добыть пистолет?

– Это знает дед Маронов, он расскажет тебе. Но сначала дай согласие.

– Я согласен, – сказал Герман.

После этих слов Герман услышал, как за его спиной задвигались люди. То были Витя Каракум, Сива и Нунс. Они вышли на середину комнаты и расселись на стульях.

– Ты согласился при свидетелях, – сказал Глен. – Учти, Гера, этот важный момент. Теперь, если скажешь «нет», Сива отрежет тебе голову и засолит ее, как кочан капусты. Так у нас поступают с теми, кто плюет на уважение к личности.

Нунс поднялся с места и сказал: «Пойдем, олень, отвезу тебя к деду Маронову».

– Ступай, Гера, и торопись: у тебя только три дня, – проговорил Глен.

Нунс повез Германа на окраину города. Там в одном из унылых и старых одноэтажных домов жил бородатый дед Маронов.

У него были смеющиеся глаза, но никто не видел его улыбки. При ходьбе он делал маленькие шаги. За ним всюду ходил запах нездоровых зубов.

Герман подумал: «Неприятный дед Маронов.

И все здесь чрезвычайно неприятное».

В нем поселилось чувство брезгливости. С этим чувством он сел на лавку у стены и стал слушать, как на крыльце старик разговаривает с Нунсом: «Этого мало, дай еще, Нунс. Прибавь дедушке. Я люблю не деньги, а покой, удовлетворение. Положи еще десяточку, разве для тебя это расходы?»

– Говори в сторону, от тебя пахнет канализацией, – ответил Нунс. – У тебя только день, чтобы научить парнишку, как добыть то, что нужно. Когда научишь, дам еще десятку. Потом получишь еще тридцать.

В доме было так грязно, что казалось, здесь держат коров. Герман боялся взять что-нибудь в руки. Он хотел пить, но не решался дотронуться до кружки.

Когда Нунс ушел, дед Маронов стал разглядывать Германа. Из-за смеющихся глаз казалось, что он сошел с ума и над всем насмехается.

– Подари мне часы, – сказал он. – Вот эти, на руке.

– Зачем?

– А ты не спрашивай.

Герману стало очень тоскливо. Ему хотелось, чтобы старик отошел подальше или ушел куда-нибудь. Он снял с руки часы и положил на край лавки. Дед Маронов унес их в другую комнату. Вернувшись, он положил на лавку плотницкий молоток.

– Вот этим ты и добудешь пистолетик, – сказал он.

Герман догадался, что молотком нужно разбить окно.

– А где это окно, которое нужно разбить? – спросил он.

– Глупый, как утка. Какое окно? Этим молотком ты лишишь человека чувств и памяти, а пока он чухается, заберешь пистолетик.

Герман испугался. Вообразив, что ему предстоит ударить человека молотком по голове, снова задрожал от страха.

Дед Маронов принялся объяснять. Говорил, как нужно действовать. Старшина милиции, усталый и рассеянный после ночного дежурства, войдет в подъезд своего дома. Там, спрятавшись в полумраке, будет ждать Герман. Он быстро подбежит к старшине сзади, сорвет с головы фуражку. От этого люди всегда теряются. Растерявшийся от неожиданности старшина обязательно замешкается. Такого человека легко оглушить молотком.

Дед Маронов протянул руку и дотронулся до головы Германа, показывая, куда нужно бить. Герман съежился от брезгливости.

– Я не смогу, – прошептал он.

– Глупости! Здесь дела на копейку. Другим способом пистолетик не достать.

Герман испугался еще сильнее.

– Ты давал согласие при свидетелях? – спросил старик.

– Да.

– Нужно было не давать, а теперь поздно. Теперь тебя самого стукнут по голове, если отступишься. Найдут где хочешь, нигде не спрячешься. Вот посиди тут и подумай, а я пойду пить чай.

Дед Маронов не умел скрывать своих привычек. Он ел и пил так громко, что Германа затошнило.

Он выскочил бы из грязного дома деда Маронова сию же минуту, как из гадкой навозной ямы.

Избавление стало бы самым приятным для него чувством.

– А где живет старшина? – спросил он.

– В обычном дворе. В ночь уходит на службу, утром возвращается. Сейчас поедем, покажу тебе это место.

– А что будет с человеком, если его ударить молотком? Он не умрет?

– Затихнет, и только. Полежит, а потом поднимется и станет ругаться.

Все, что Герман услышал, стремительно разгоралось в его воображении. Он видел старшину милиции, который носит на боку кобуру с оружием. Этот человек падает на пол и затихает, а потом, очнувшись, ругается.

Герман вскочил и засуетился.

Он добудет пистолет, и когда-нибудь, может быть, через два месяца, напишет анонимное письмо милиционеру. Попросит прощения: «Мне нельзя было обойтись без вашего пистолетика! Поймите, уважаемый, и простите».

Когда Герман увидел двор, дом и подъезд, где жил старшина, ему почудилось, что он может приехать сюда с молотком уже завтра.

– Все-таки ты глуп, как утка, – сказал дед Маронов. – Постой за дверью, почувствуй место, погляди, как люди входят и выходят. Смотри внимательно, ничего не упусти. Пусть глаза привыкнут к полумраку. Так делай два дня, а на

третий бери то, что нужно.

Перед полуднем следующего дня Герман увидел старшину.

Невысокий, плотный, в сапогах, галифе и рубашке навыпуск милиционер медленно вошел во двор и направился к дому. Его руки были заняты.

– Все понял? – произнес дед Маронов. – Много милиционеров идут с дежурства, а такого, как этот, нет. Он золотой. У него в руках сумки. Он покупает картошку, лук, огурцы, сухари в сахаре, булки с маком, сливовый и яблочный сок с мякотью, чай, сардины, газеты. Хозяйственный человек, любит делать покупки. На другого тебе идти нельзя, ничего не выйдет. А этот всегда рассеян. Потому что, пока идет к дому, вспоминает, что еще не купил. Ему это нравится. Он открывает дверь ногой – просовывает ее в щель. В подъезде две двери, каждую он открывает таким образом. Будто бы сам просит, чтобы у него забрали пистолетик. И какой гладкий и плотный! Такие не умирают, а только теряют сознание.

Герман снова почувствовал удивительное действие слов. Как и Клара-буфетчица, дед Маронов его успокоил.

Герман был уверен, что преуспеет в этом странном деле.

Все же от волнения его руки немного дрожали. Заметив это, дед Маронов положил перед ним таблетки успокоительного.

В нужный час Герман вошел в подъезд и стал ждать старшину милиции.

Появилась старая женщина и прошла мимо, никого не заметив. После нее долго никто не показывался. Наконец Герман услышал, как кто-то открывает дверь ногой.

В пространстве между дверями света было немного, но глаза Германа привыкли. Он все видел хорошо. Старшина милиции вошел и остановился перед второй дверью. Герман перестал дышать.

Он бросился к старшине и ударил молотком по темени. Милиционер издал звук «хо». После этого он повалился на пол и затих. Из сумок выскочили картофелины и луковицы и побежали по полу.

Герман забрал из кобуры пистолет, поднялся по лестнице на последний этаж, пробрался на чердак.

Пройдя по чердаку, он очутился в другом конце дома. «Выйди как ни в чем ни бывало из подъезда и уверенно шагай через двор, – говорил ему дед Маронов. – Никто не запомнит твое лицо, потому что ты вышел не оттуда, где произошло нападение».

Герман так и сделал.

Никто не обратил на него внимания.

Он прошагал пешком два квартала, не видя ничего вокруг. Сильное волнение не позволяло ему оглядеться. На перекрестке какая-то женщина пропустила его вперед, и он не ответил на ее любезность.

Ему хотелось идти и не останавливаться.

Каждую минуту он вспоминал о случившемся. Он сделал все быстро и ловко, не растерявшись, не испугавшись перед неизвестностью. Но кое-что он забыл! Забыл сорвать фуражку, бросил молоток…

Бросил молоток!

Волнуясь, Герман быстро ощупал себя. Молоток нашелся за поясом, под рубашкой.

Герман вошел в автобус и спустя двадцать минут уже стоял перед Гленом.

Пистолет лежал на столе, на тарелке, обойма с патронами была вынута, лежала рядом.

Герман во всем находил удовольствие – в молчании Глена, в его задумчивой улыбке и в том, что в проеме стоят Нунс и Витя Каракум и тоже поражены зрелищем.

– И снова удивление! – наконец сказал Глен. – Ну и ну. Теперь ты мне ничего не должен. Есть желание – можешь уехать, а хочешь – оставайся. Будешь моим личным помощником.

Герман еще чувствовал горечь обиды, но уже не такую сильную.

Прежде он был так поглощен своим разочарованием, что ни за что бы не простил Нунса и Витю Каракума, а теперь в нем что-то изменилось. Герман еще не знал, что именно.

Он был рассержен на этих людей, но не спешил уходить. Добытый пистолет возвратил ему уверенность.

Он заметил, что Глен и его люди стали глядеть на него с серьезным видом, как на равного себе.

Это было очень приятное открытие.

Герман хотел сказать: «Я подумаю, как поступить». Но тут зазвонил телефон. Глен выслушал чью-то короткую речь, быстро взглянул на Германа, встал и мрачно поглядел в окно, а потом снова сел на кушетку.

– Дед Маронов передает, что все очень плохо, хуже некуда, – сказал Глен. – Тот милицейский так и не поднялся на ноги. Не очухался. И теперь он на том свете.

Витя Каракум присвистнул и оставил рот открытым. А Нунс хлопнул себя по колену.

– Это же высшая мера! – воскликнул Нунс.

Все принялись глядеть на Германа.

Из прихожей пришел Сива.

– Что будешь делать, сынок? – спросил он.

– Вышка – очень нервная штука. Но киснуть нельзя! Нельзя киснуть.

Герман задрожал так сильно, как не дрожал даже на полу у Клары-буфетчицы.

– Но что я сделал? – прошептал он.

– Укокошил старшину, – сказал Нунс.

– Разве Маронов не учил тебя, как нужно действовать?

Все поплыло перед глазами Германа – люстра, мебель, шторы и люди.

Пол вдруг сильно ударил его по лбу и щеке. Герман закрыл глаза, и стало темно и тихо.

Когда он очнулся, лежа на животе, под ним было сыро. Рядом была стена прихожей. В голове будто раскололось и рассыпалось стекло. Оно хрустело и визжало, и эти болезненные и неприятные ощущения становились только ужаснее.

Герман понял, что упал в обмороке и его стошнило. Он зашевелился и селу стены.

Из гостиной доносились голоса.

– Что тут думать? – сказал Нунс. – Сделать здесь, а после отвезти на пустырь и бросить.

– Я принял другое решение, – негромко ответил Глен. – Мальчонка может пригодиться. Конечно, мы рискуем, и все же торопиться не стоит. Еще не время.

– Кажется, он очнулся, – сказал Сива.

Он выглянул из гостиной и поглядел на Германа, за ним выглянули остальные.

– Умойся и убери за собой, – сказал Глен. – Потом послушай, что я скажу. Теперь для тебя нет ничего полезнее спокойствия. Оно для тебя дороже всего. Это мы сейчас и обсудим.

Герман чувствовал невероятную усталость.

У него горела щека, на лбу образовалась ссадина. Он вдруг ясно увидел свое положение – оно так ужасно, что уступает лишь самой смерти. Он убил человека. Теперь его ищут, чтобы забрать в тюрьму. Он слышал страшные слова «высшая мера», которые означают самое суровое наказание, расстрел. Они имеют отношение именно к нему. Это невыносимый ужас.

Глен пожелал говорить с ним без свидетелей.

– Киснуть нельзя, как сказал Сива. Это верно. И бояться тоже нельзя. Нужно смотреть вперед. Что случилось, то случилось. Пусть! Так даже интереснее жить. Но тебе понадобятся новые документы. Паспорт стоит тысячу рублей, военный билет – пятьсот. А заплатить тебе нечем. Однако я могу помочь тебе: дам полторы тысячи и еще триста – на подъем. А вернешь две с половиной. Такова моя плата за риск!

– Где же я возьму столько денег?

– Поедешь на север. Там люди и больше зарабатывают. Как устроишься, начнешь расплачиваться.

Герман схватил Глена за руку.

– Спасибо! Спасибо! – забормотал он. – Я хочу поехать на север!

Глен засмеялся.

Герман подумал, что осужден испытывать постоянный страх, но на севере ему будет легче. Там другие люди. Вместо галантности там стойкость и спокойствие. Житейская мудрость вместо шика.

Зато нет жестоких, коварных людей. Что им делать на севере?

Герман увлекся этими размышлениями и сделался спокойнее.

Глен велел ему ехать к Кларе-буфетчице и ждать.

Едва Герман очутился на улице, дрожь снова принялась терзать его тело. Он постучал к Кларе, трясясь, как в лихорадке. Клара поглядела на него без сочувствия, с женским презрением к слабому мужчине.

– Пожалуйста, дайте мне таблеток, – попросил Герман.

Клара не разговаривала с ним до следующего утра. Герман спал не раздеваясь, ничего не ел. Ему хотелось только лежать.

Утром Клара сказала:

– Ходила на рынок за курицей, а там торговки говорят: «Убили милиционера». Дали дураку заработать, а он и заработал на высшую меру!

Она не желала утешать своего постояльца. Он был для нее чужим.

Герман стал думать о севере, как о далекой, сказочной земле, где человеческие страдания неизвестны, потому что их нет. Скорее уехать!

– Сходи к фотографу, – сказала ему Клара. – Иначе у тебя не будет документов. Недалеко отсюда есть фотоателье.

Герман заказал у фотографа снимки для паспорта и военного билета. Но прийти в ателье стоило ему больших усилий.

Сердце его всякий раз сжималось, если кто-нибудь на него смотрел. Неожиданно для себя он сделал открытие относительно своей личности. Ему нужны покой, душевный уют, тихий, ничем не примечательный день, наполненный обыкновенными делами. Это во много раз ценнее, чем шик и повышенное внимание к персоне. Никакие рассказы о свободе и удаче ему не

нужны.

Простые вещи стали казаться ему прекрасными.

Чтение книги за столом у вечерней лампы, чаепитие, разговор с хорошим человеком, прогулка в парке – вот самое замечательное времяпрепровождение.

Герман собрался уходить, как вдруг фотограф сказал кому-то по телефону: «Я верю только тому, что вижу. Словам верю меньше. Вы это учтите».

Герман вышел на улицу, ощущая волнение, имеющее уже совсем другое происхождение.

«А вдруг они обманули? – думал он. – Может быть, милиционер сейчас дома или в больнице, а я погибаю от ужаса!»

Герман имел в виду Глена, деда Маронова и прочих.

Он отправился туда, где напал на старшину милиции, и добрался так быстро, будто свернул за угол и сделал несколько шагов.

Однако он побоялся приближаться к дому, где жил старшина. Лишь заглянул во двор и тут же вернулся обратно на проспект. Остановился у киоска, торгующего газетами.

«Спрошу у продавца, слышал ли он что-нибудь о недавнем происшествии», – подумал Герман.

– Ах, здесь, во дворе, убили отца четверых детей! – сказал продавец. – Ужасный случай!

Четверо деток остались без родителя!

Герман не разобрал других слов, он просто был не в силах выдержать этой речи.

Он побрел, не разбирая дороги, натыкаясь на прохожих, чувствуя тошноту, головную боль, холод в плечах и пальцах. Вскоре его стошнило. Он сел на газоне под деревом и провел в неподвижности целый час.

Как теперь устроится его судьба? Схватят ли его или он с новыми документами начнет новую жизнь?

Что это означает – новая жизнь?

Герман стал утешать себя обещаниями и даже клятвами. Он будет трудиться, приносить пользу, за это его будут ценить и уважать. Он поможет каждому, кто попросит у него помощи. Запишется в библиотеку и прочтет тысячу книг. Лишний раз не выйдет из дома. Постигнет истины и приобретет мудрость.

Вскочив, Герман побежал.

Он бежал и бежал, останавливаясь только на перекрестках. Наконец пришел к Кларе-буфетчице и сел на полу у стены.

Клара принесла его прежнюю одежду.

– Одень свое, – сказала она. – Каким пришел, таким и уйдешь отсюда.

Герман переоделся, удивляясь тому, какими коварными могут быть люди. Клара-буфетчица умеет легко сменить дружескую улыбку на гримасу призрения. Ей ничего не стоит изменить голос, сделав его неприятным для слуха. А ее взгляд в одно мгновение может стать требовательным и холодным.

Это совсем не та женщина, которая гладила его по голове и предлагала кофе.

Спустя три дня Нунс привез ему деньги и новые документы. Герман разглядел в этом уголовнике затаившуюся злобу. Неприятие и неудовлетворение живут внутри этого страшного человека. Он всегда недоволен. Его улыбки фальшивы. Даже его спокойные манеры кажутся поддельными.

Но почему же этого не было заметно раньше?

Герман чувствовал к Нунсу отвращение. Если бы он мог, он вообще не смотрел бы в его сторону. Выбросил бы его из головы. Куда лучше думать о снеге: «Снег – это хорошо! Много чистого, прекрасного снега! Вот где я хочу очутиться!»

Герману нравилось представлять, как он едет в поезде, заказывает чай у проводника, смотрит в окно или читает книгу. «Я могу теперь ехать? – спросил он у Нунса. – Мне это очень нужно». Он произносил слова нарочно как ребенок.

Нунс повез его на вокзал.

На перроне, ухмыляясь, стоял Витя Каракум. О был как и прежде крепким парнем в летней кепке, но теперь его лицо было неприятно Герману, как лицо деда Маронова. И улыбки его тоже были притворными.

Он вошел с Германом в купе, запер дверь на замок и сказал:

– Не думай, что убежишь от нас. Чепуха. Найдем хоть на Полярной звезде. Сиди на одном месте и молчи, как каменный, иначе отдадим тебя властям – под высшую меру.

Сказав это, Витя Каракум вдруг схватил Германа за шею, притянул к себе и заглянул в глаза.

В дверь постучали, и кто-то с упреком проговорил: «Проводник! Это купе заперто!»

Витя Каракум вышел в коридор.

Город остался позади, но Герман не мог прийти в себя. Ему было горько, страшно и тоскливо.

Его не утешали даже мысли о чистой снежной пустыне, сверкающей кристаллами льда на солнце. Нисколько. Ничуть. Словно не было на свете никаких снежных пустынь, и не было солнца.

Его попутчики оказались замкнутыми людьми. Они выглядели угрюмыми, и Герману стало еще тоскливее. Он отправился в ресторан, купил бутылку пива и

выпил ее. Затем купил шоколад, сигареты, яблоко, пачку открыток с видами Москвы.

Ему хотелось с кем-нибудь поговорить, но он забыл все приемы быстрого знакомства. Он не мог проявить даже малую изобретательность. На душе у него висел камень размером с утес. Ночью он проснулся в сильном жару, выскочил из купе и побежал в уборную.

Он чувствовал себя грязным, точно его вымазали мазутом. А сердце как будто схватили ледяными руками и тоже сунули в мазут.

– Грязь! – закричал Герман. – Всюдугрязь!

Ему захотелось вымыть свое тело. Прямо здесь, в поезде. С ног и до головы! Он бросился в купе за флаконом яблочного шампуня, вернулся и снял одежду. Дрожа от холода и волнения принялся мыться и вскоре почувствовал себя лучше.

Что еще он может сделать, чтобы стать чистым и сияющим?

Вот что: завтра он купит новую одежду, все предметы до одного. И все другие вещи. Даже авторучка, которой он будет писать письма матери, должна быть новая.

О, как безжалостен страх! Очень трудно с ним справиться. Кажется, страх неодолим и захватывает все тело после одной только ничтожной мысли, растаптывает желания, крадет смех и улыбки, отнимает сон. Можно ли его победить?

Какое же средство против него можно найти?

Герман вспомнил, что говорил ему Глен. Будто на все нужно смотреть с иронией, как на забавное явление. Больше улыбаться. «Страшно? – спросил Глен. – А ты смейся. В голове пусть гремят марши, как на Первое Мая. Говори себе: я не какой-то штымп из переулка, я Гера!»

Герман лежал на полке и рассуждал об этом. Попробовал внушить себе: «Я Гера, и принадлежу только себе. Улыбаюсь, что бы ни случилось».

Он не смог улыбнуться и заплакал.

«Глупости! – подумал он. – Все до единого слова. Какое тут веселье, когда так ужасно страшно?»

Нужно окружить себя новыми вещами. Поселиться в незнакомом городе среди незнакомых людей, читать полезные, нравоучительные книги. Все должно быть новое – предметы, мысли, привычки. Разговаривать нужно только с простыми людьми.

Герман стал думать о незнакомом городе, успокоился и уснул.

Выйдя из поезда на перрон, он продолжал думать о новой жизни. Сейчас он купит билет на самолет, полетит в бело-голубом лайнере на север. Там все будет хорошо.

Герман вспомнил о шоколаде, вынул его и залюбовался оберткой. Ему вдруг захотелось очутиться в ее сюжете. Какой это замечательный мир! Красочное цирковое представление, море улыбок, смеха, детские замирания и восторги. Так же хороши, наверное, и детские игрушки. Нужно подержать их в руках. Пусть они успокоят, прогонят унылые мысли.

Герман отправился в самый большой магазин детских товаров. Он брал в руки игрушки, гладил их и прижимал к себе. Они дарили ему покой, а мысли его очищались, становились светлыми. Он поклялся с уважением относиться теперь ко всякому предмету, не имеющему отношение к миру взрослых людей. Ему сейчас очень хорошо. Бледность проходит, становится легко дышать. Во рту не так сухо, ладони не холодны, у сердца привычный ритм…

Детские игрушки одержали победу над страхом!

Герман бродил по магазину, не замечая других посетителей. В каждом отделе ему было хорошо и спокойно. Мысли текли плавно. Дыхание уже не было прерывистым.

«Вот бы остаться здесь на всю жизнь! – думал Герман. – Каждый день видеть и слышать эти краски и звуки. Вдыхать запахи. Навсегда порвать с грубым и жестоким взрослым миром…»

Да, теперь это его мечта: жить среди игрушек. Север ему больше не нужен. Он ему не поможет. Там взрослые люди и их нравы.

Это обыкновенное географическое понятие – север. А в мире детских игрушек все сияет, смеется и торжествует.

Герман обратился к продавщице:

– Я хочу работать в вашем магазине. Кем угодно, уборщиком или грузчиком. Вам нужны грузчики?

– Поговорите с директором или с главным товароведом. Грузчики всегда нужны. Думаю, вас возьмут уже сегодня.

Герман отыскал главного товароведа и сказал ему, что будет работать за двоих.

– А как у вас насчет дисциплины? – спросил товаровед. – Запомните: пьяниц и прогульщиков мы не держим.

– О, не беспокойтесь! – воскликнул Герман. – Я буду самым лучшим работником вашего магазина.

Герман хотел устроиться в гостинице, но водитель такси шепнул ему, что можно снять комнату у одной бездетной семьи. Герман сразу же согласился.

На следующий день он появился в магазине и принялся за работу.

Отдыхать ему не хотелось. Он с радостью был впереди всех. Ему доставляло удовольствие поднимать даже самые тяжелые ящики, потому что яркие наклейки сообщали, что в них деревянные куклы. Он улыбался. Один раз он даже запел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shelkov_german/pechal-nye-istorii-ushedshey-epohi-ne-to-vybral-ne-tem-rodilsya-ne-tuda-poshel

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить